

УДК 811.161.1

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОРТРЕТНЫХ ОПИСАНИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А.Р. Шамсутдинова

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые особенности развития словесного изображения портрета человека в прозаических произведениях русской литературы XVI – XIX вв. Особое внимание уделяется образным средствам, используемым писателями для создания визуального образа человека, отражающего черты его внутреннего мира. Определяются индивидуальные писательские манеры отдельных авторов.

Ключевые слова: языковой портрет, образные средства, русская литература.

Языковые особенности портретных описаний на разных этапах развития русской литературы были объектом исследования многих литературоведов и лингвистов. Каждая эпоха выдвигает свое понимание и видение человека и вырабатывает свои принципы его художественного изображения. «Русская литература прошла длинный путь развития, прежде чем достигнуть в изображении человеческого облика и характера той сложности и многомерности, которые отличают русскую литературу XIX века» [1, с. 6].

Языковой образ человека складывался постепенно. В XI – XVI вв. отсутствуют представления об индивидуальной и неповторимой психологии и внешности, ограничены представления о внутренней жизни человека и отсутствует понятие характера. «Открытие» человеческого характера в произведениях художественной литературы происходит только в XVII веке. Человек становится объектом пристального внимания с точки зрения и внешнего своего облика, и внутреннего мира, предстает как сложная структура.

Для литературы XVII – XVIII столетий доминирующим был принцип статического рассмотрения человека, в то время как «в словесном искусстве XIX века портрет лишается свойственной ему ранее «однолинейности» и насыщается подробным социально-биографическим и психологическим содержанием» [2, с. 22].

Рассмотрение различных языковых средств описания лица человека поможет проследить моменты преемственности портретных описаний в произведениях XVI – XIX вв. Совокупность лингвистических приемов при описании персонажей, безусловно, меняется от эпохи средневековья к эпохе реализма, расширяется и обогащается, отражая развитие новых подходов к изображению внешнего облика и внутреннего мира человека. Однако отдельные языковые средства остаются неизменными на протяжении столетий (например, эпитеты,

метафоры, сравнения – простые и развернутые), что проявляется как в индивидуальном, так и в и групповом портретах.

Рассмотрим образные средства на примере фрагментов из нескольких художественных прозаических произведений разных писателей, которые отражают свойственные тому или иному периоду литературы особенности изображения человека. Так, историко-беллетристическая повесть середины XVI века «Казанская история» представляет интерес в плане не только изображения исторических событий, но и описания внешности персонажей. По словам исследователей Т.Ф. Волковой, И.Ю. Серовой, «автор «Казанской истории» использует все типы описаний внешнего облика персонажа, выработанные предшествующим этапом в развитии древнерусской литературы и сложившиеся в современную эпоху. Наряду с индивидуальными портретами русских и казанских царей, князей и вельмож в «Казанской истории» содержится значительное количество групповых портретов – русского войска и осажденных казанцев» [3, с. 6]. Авторы произведений XVII века – повестей о Смуте (например, «Повесть» И.М. Катырева-Ростовского) или бытовых повестей (таких, как «Повесть о Горе Злочаштии» и «Повесть о Ерше Ершовиче») – приносят новые тенденции в портретное описание персонажей, что связано прежде всего с демократизацией литературы.

XVIII век с главенствующим направлением сентиментализма и появившимся жанром путешествий делает человека мерой всех вещей, что отражается на поэтике портретных описаний. В частности, это можно проследить на примере таких произведений, как «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева и «Бедная Лиза» Н.М. Карамзина. Характер портретных описаний во многом обусловлен сентиментализмом – ведущим направлением в творчестве этих писателей, что находит свое проявление в тщательном подходе к изображению внутренних переживаний героев и отражению их чувств во внешнем облике. В то же время особенности поэтики сентиментализма выражаются в создании шаблонных портретных зарисовок.

Наиболее полный спектр языковых средств создания портрета проявляется в произведениях писателей XIX века, среди которых особое место занимают романы Л.Н. Толстого, в частности «Война и мир» и «Воскресение». Искусство изображения индивидуальности изнутри, показа каждого персонажа в его неповторимой, совершенно своеобразной и исключительно личной обрисовке составляет силу и убедительность всех художественных образов в романах Л.Н. Толстого.

Сопоставительное рассмотрение столь разного по времени создания и тематике художественного материала обусловлено обнаруживающейся между этими произведениями связью на лингвистическом уровне. Анализ языковых особенностей портретных описаний в данных произведениях способствует выявлению преемственности в описании персонажей в разные периоды развития литературы.

Так, **эпитеты** в XVI – XVII вв., используемые при описании лица человека, отвечают заданному жанру произведения, статусу описываемого персонажа. В исторической летописи XVI века «История Казанского государства» лицо Ивана Грозного, как и весь портрет героя, соответствует канонам изображения властителей в этот период литературы (справедливый, творящий благо царь), поэтому и внешность отвечает набору перечисленных качеств: *И стал он крот-*

ким и смиренным, в суде же справедливым и непреклонным, ко всему воинству милостивым и щедрым, и весел сердцем, и сладок речью, и оком радостен, взором очей своих источая веселье всем печальным, и не было бледности на лице его (К.И.).

Схожую тенденцию наблюдаем и в произведениях XVII века: бытовые повести XVII века со сказочным сюжетом задают фольклорную манеру описания внешности персонажей. Например, в «Повести о Горе Злочастия» главный герой в момент душевного переживания описан при помощи красочных эпитетов фольклорного характера: *белое лице унынливо, и ясныя очи замутились* (Хр.).

В XVIII веке эпитеты насыщаются более глубоким психологическим содержанием и, помимо визуального описания лица, дают возможность проследить внутренние переживания и состояния героев, что отражается в использовании лексем со значением состояния и качества. Например, у А.Н. Радищева в «Путешествии из Петербурга в Москву» наблюдаем следующий пример: *Они метали на меня и друг на друга искаженные взоры, в коих господствовали хищность, зависть, коварство и ненависть* (Рад.).

Несомненно, подобные описания уже можно считать предтечей характерологической манеры описания лица авторами XIX столетия, которые в своих произведениях использовали богатый потенциал лексем, служащих для создания портрета, употребляли эпитеты в качестве структурообразующих элементов повествования. Например, у Л.Н. Толстого в романе «Воскресение» (Воскр.) эпитет *черные* при описании глаз усложняется с ходом течения событий в произведении и жизни главной героини: сначала Катюша просто *черноглазая*, потом *сияет улыбкой и черными, как мокрая смородина, глазами*, потом *смотрит черными, полными от слез, немного косившими глазами*. Признак цвета вначале выражен сложным прилагательным, затем развивается благодаря сравнению (*как смородина*) и усложняется дополнительными признаками, составляющими основу характеристики, – особым сияющим блеском (*мокрые, как смородина, от грустных слез*) и такой, казалось бы, не украшающей чертой, как *немного косившие глаза*.

Сравнение – простое или развернутое – является частым приемом при описании лица персонажей. Так, в «Казанской истории» XVI века находим следующее описание татарского атамана Аталыка, включающее сравнение героя со зверем: *Ростом же и дородством был он как исполин, глаза у него были налиты кровью, словно у зверя или людоеда, и такие же большие, как у буйвола* (К.И.). Простое сравнение здесь задано жанром произведения, являющегося исторической средневековой летописью, и не имеет целью дать характерологическое описание персонажа. По словам Д.С. Лихачева, авторы этого периода при обрисовке своих героев изображали те черты, «которые должны были бы у них быть как у представителей определенной социальной группы» [1, с. 50], и следовали цели художественного обобщения: «изобразить истинного царя, истинного святого или даже истинного врага русской земли» [1, с. 50].

В XVII веке простые сравнения также отвечают жанру произведения, в частности бытовой повести. По утверждению Д.С. Лихачева, «в демократической литературе XVII века развивается особый стиль изображения человека: стиль резко сниженный, нарочито будничным, утверждавший право всякого человека

на общественное сочувствие» [1, с. 78]. Например, в «Повести о Ерше Ершовиче» наблюдается нарочито сниженное описание в форме сравнения, отвечающее жанру бытовой повести, где главный герой дает себе следующую иронически-бытовую характеристику: *...тогда яз был здвоя тебя и толще и шире, и щоки мои были до передняго пера, а глава моя была что пивной котел, а очи – что пивные чаши, а нос мой был карабля заморскаго* (Хр.).

В XVIII веке развивается традиция сопоставления частей лица с предметами внешнего мира. Достаточно частотно описание внешности, которое включает красочные сравнения фольклорного характера, когда лицо и его части сравниваются с предметами и явлениями природы, например, у Н.М. Карамзина в «Бедной Лизе»: *щеки ее пылали, как заря в ясный летний вечер* (Кар.). Помимо подобных шаблонных сопоставлений, наблюдается и развернутое сравнение в составе сложной синтаксической конструкции, как у В.В. Измайлова в повести «Ростовское озеро»: *...слабая улыбка оживилась и умерла на пасмурном лице его, подобно быстрой молнии, которая сверкает во мраке и скрывается в черных тучах* (Изм.). Последователь Н.М. Карамзина, В.В. Измайлов использует прием контрастного описания в духе чувственного сентиментального портрета. Здесь сравнение не только передает визуальное описание, но и отражает перемену в настроении героя.

Данный прием находит свое наивысшее воплощение в произведениях классиков русской литературы XIX века Л.Н. Толстой не только наполняет сравнение психологической характеристикой внутреннего мира персонажа, но и находит связи между различными состояниями: *Вдруг сердитое беличье выражение красивого личика княгини заменилось привлекательным и возбуждающим страданием выражением страха; она исподлобья взглянула своими прекрасными глазками и на лице ее показалось то робкое и признающееея выражение, какое бывает у собаки, быстро, но слабо помахивающей опущенным хвостом* (ВиМ). В данном случае сравнение княгини Болконской со старой собакой ассоциируется с конкретным представлением о бесправности героини, невозможности возразить мужу. Уподобление приобретает эмоциональное наполнение, передает авторскую иронию и жалость, что выражено диминутивными образованиями – *личико, глазки*.

Помимо сравнения, то есть открытого сопоставления, писатели использовали и скрытое сравнение – **метафору**, в том числе развернутую. Так же, как и в сравнении, в начальный период развития литературы и в Новое время в метафоре использовалось отождествление человека и природного мира. Например, в XVI веке в «Казанской истории» состояние радости, которое испытывают при встрече царевна и ее муж, описывается с помощью развернутой метафоры, синтаксически выраженной сложной конструкцией с многочисленными придаточными: *И перестали оба они плакать и тосковать и так обрадовались, увидев друг друга, как если бы прекрасная заря узрела, что входит в земные владения ее с востока пресветлое солнце, прогоняя темное облако уныния и печали, прежде омрачавшее ее, светлостью лица своего и веселым взглядом и делая его невидимым, словно дым* (К.И.).

А.Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» также использует прием сравнения внешнего вида человека и явлений природы, в частности луча и улыбки: *Подобно как в мрачную атмосферу, густым туманом отягченную,*

проникает полуденный солнца луч... мрак, присутствовавший повсюду в небытии светозарного шара, исчезает весь вдруг ... – тако при улыбке моей развеялся вид печали, на лицах всего собрания поселившийся (Рад.). Развернутая метафора обогащает портретную зарисовку и строится на множественных ассоциативных рядах, таких, как «мрак – печаль», «солнце – радость».

В произведениях писателей-реалистов XIX века метафора подвергается видоизменениям. У Л.Н. Толстого она развивается наиболее разносторонне: объект сравнения – природа – расширяется до окружающего мира вообще. Например, в романе «Война и мир» при описании лица княжны Марьи: *Как вдруг с неожиданной поражающей красотой выступает на стенках расписного и резного фонаря та сложная искусная художественная работа, казавшаяся прежде грубою, темною и бессмысленною, когда зажигается свет внутри: так вдруг преобразилось лицо княжны Марьи* (ВиМ). Вещный мир и область человеческих переживаний пересекаются в данной развернутой метафоре, которая поддерживается также синтаксически с помощью указательного слова *так* и союза *как*. Образному уподоблению подвергаются несколько рядов понятий: преобразование лица княжны при встрече с Ростовым и игра красок на стенках зажженного расписного фонаря, свет внутри которого ассоциируется с новой силой жизни, давшей возможность лицу, прежде не выражавшему никаких эмоций, стать сияющим, радостным, так же как грубый, темный и бессмысленный орнамент становится поражающе красивым при освещении.

Все указанные лингвистические средства, служащие для описания лица персонажей, обнаружены в том или ином объеме в рамках индивидуального и группового портрета, который в каждый период развития литературы отвечает той или иной задаче писателя, жанру произведения и общей направленности литературного процесса.

В XVI веке индивидуальный портрет, как было выше упомянуто, отвечал задаче идеализации персонажей, государственных деятелей России. Так, в «Казанской истории» в описании характера, действий и, соответственно, лица князя Семена Микулинского отмечаются только положительные характеристики, поэтому используются лексемы-эпитеты с положительной коннотацией: *А был он таков: умом всегда живой и лицом светел, с радостными глазами, тихий и кроткий; не держал он гнева ни на кого из своих воинов, только на вражеских ратников, и был он доблестен и славен победами своими, и терпелив в несчастьях, и хорошо умел метать копьё и укрываться от стрельбы, и мог обеими руками стрелять в цель и не промахнуться* (К.И.).

В XVIII веке интерес к сопоставлению «внешнего» и «внутреннего» развивается, в том числе и под влиянием науки физиогномики (теории исследователя Лафатера, предпринимавшего попытки объяснить характер человека по его внешности), что отражается на способе изображения лица в произведениях сентименталистов. Так, у А.Н. Радищева в «Путешествии из Петербурга в Москву» находим: *В старшем взоры были тверды, черты лица незыбки, являли начатки души неробкой и непоколебимости в предприятиях. Взоры младшего были остры, черты лица шатки и непостоянны. Но плавное движение оных необманчивый был знак благих советов отчих* (Рад.). Использование кратких прилагательных в предикативной функции придает описанию четкость и определенность, а парал-

лелизм в построении синтаксических конструкций способствует передаче мнения автора об аналогии между чертами лица и внутренними качествами героев.

XIX век открыл сложность и многогранность человеческой природы. Внешний вид человека не обязательно должен отражать чувства, которые он испытывает в данный момент. Например, в романе Толстого «Война и мир» при описании Наташи глазами Пьера на ее лице отражаются чувства, противоположные тем, что она испытывает после неудавшегося побега с Курагиным: *Она оглянулась на него, нахмурилась и с выражением холодного достоинства вышла их комнаты* (ВиМ). Далее следует описание внутреннего чувства героини в этот момент, которое раскрывает контраст внешнего и внутреннего: *Он не знал, что душа Наташи была преисполнена отчаяния, стыда, унижения и что она не виновата была в том, что лицо ее нечаянно выражало спокойное достоинство и строгость* (ВиМ).

Групповой портрет также изменяется в исторической перспективе. В XVI веке в «Казанской истории» описание воинов на поле сражения имеет главной целью создать идеализированный образ героев, который должен вызвать гордость читателя. Описание строится на перечислении, сравнении и не содержит описания лиц отдельных персонажей: *Все же воины: избранные стрелки, и копьеносцы, и тулоносцы, и добрые конники – все, словно огнем, дышали на Казань боевой дерзостью и гневом, и блистало оружие на храбрых воинах, как пламя, иначе сказать – как солнце, слепя людям глаза, и, словно звезды, сверкали золотые шлемы на головах их и щиты, и видны были копья в руках* (К.И.).

Подобная сцена сражения в XIX веке у Толстого в романе «Война и мир» имеет совершенно иное содержание, групповой портрет солдат отражает «психологическую характеристику душевного переживания, отраженного на их лицах» [4, с. 115]: *На лицах французского генерала, офицеров и солдат одновременно, как по команде, прежнее выражение веселости и спокойствия заменилось упорным, сосредоточенным выражением готовности на борьбу и страдания* (ВиМ). Контраст эмоциональных состояний поддерживается на лексическом уровне: использованием контекстуально противоположных лексем: *веселость – страдание, спокойствие – готовность на борьбу*.

Групповой портрет писателей-сентименталистов XVIII века отвечает цели описания массы людей, чувственной и веселой, как у Радищева в «Путешествии из Петербурга в Москву»: *Толпа сия состояла более нежели из тридцати женщин. Все они были в праздничной одежде, шеи голые, ноги босые, локти наруже, платье заткнутое спереди за пояс, рубахи белые, взоры веселые, здоровье на щеках начертанное* (Рад.).

Таким образом, анализ фрагментов, содержащих описание лица в произведениях писателей разных эпох, позволяет проследить за процессом формирования портретных характеристик, показать основные вехи в развитии словесного изображения человека, определить своеобразие авторских концепций того или иного периода. Образные средства – эпитеты, сравнения, метафоры – развиваются по пути усложнения синтаксической структуры предложения, обогащения семантической емкости лексических единиц и увеличения ассоциативных связей между предметами окружающего мира и внешним видом человека. Отсутствие индивидуально-авторского начала в произведениях XVI – XVII вв. (в «Казан-

ской истории», бытовых повестях, авторы которых неизвестны) сказалось и на характере портретных описаний: облик персонажей лишен индивидуальности и стандартизирован, ограничен рамками жанра произведения. У писателей-сентименталистов XVIII века (А.Н. Радищева, В.В. Измайлова, Н.М. Карамзина) портрет усложняется в связи с поэтизацией таких понятий, как внутренняя душевная красота, чувство в его индивидуальных проявлениях. Данное обстоятельство способствует развитию и обогащению художественных средств, используемых для портретных описаний. У писателей-реалистов XIX века изображение внешнего облика человека достигло вершины своего развития. Особым мастерством в этом отношении отличается Л.Н. Толстой, который в своих произведениях использует весь арсенал изобразительных средств и приемов лексико-семантической системы русского языка при создании портретных характеристик персонажей.

Summary

A.R. Shamsutdinova. Linguistic Specifics of Portrait Description in Russian Literature.

The article regards some features of development of the verbal representation of a character's portrait in prosaic writings of Russian literature of 16th – 19th centuries. Special attention is paid to figurative means used by writers for creating a character's visual image depicting his/her inner world. Individual literary manners of particular authors are defined.

Key words: language portrait, figurative means, Russian literature.

Источники

- Изм. – Русская сентиментальная повесть. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 336 с.
 К.И. – Казанская история. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 194 с.
 Кар. – *Карамзин Н.М.* Сочинения в двух томах – Л.: Худож. лит., 1984. – Т. 1. – 346 с.
 Рад. – *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. – Л.: Худож. лит., 1981. – 200 с.
 ВиМ. – *Толстой Л.Н.* Война и мир // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 8 т. – М.: Лексика, 1996. – Т. 3. – 717 с.; – Т. 4. – 732 с.
 Воскр. – *Толстой Л.Н.* Воскресение. – Л.: Худож. лит., 1970. – 464 с.
 Хр. – Хрестоматия по древнерусской литературе. – М.: Высш. шк., 1974. – 263 с.

Литература

1. *Лихачев Д.С.* Человек в литературе Древней Руси. – М.: Наука, 1970. – 220 с.
2. *Барахов В.С.* Литературный портрет. Истоки. Поэтика. Жанр. – Л.: Наука, 1985. – 312 с.
3. *Волкова Т.Ф., Серова И.Ю.* Особенности словесного портрета в историческом повествовании XVI – XVII вв. («Казанская история» и повести о Смуте) // Портрет в художественной прозе: Межвуз. сб. науч. тр. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывк. ун-та, 1987. – С. 5–15.
4. *Кричевская Л.И.* Портрет героя. – М.: Аспект Пресс, 1994. – 186 с.

Поступила в редакцию
03.02.09

Шамсутдинова Аделя Ринатовна – аспирант кафедры истории русского языка и языкознания Казанского государственного университета.

E-mail: adelya190685@yandex.ru